

✱

листая чёрно-белые репродукции этих снов

пустырь звезда над пустырём рельсы снова
пустырь рельсы дамба

люди
умирающие во сне

(пустыри зеленеют
удлиняются неведомые дорожки)

открывают глаза

проламываются из-под корки
в другую прорубь
наверно
немеют руки обжигают руки
случайно
прикасающиеся к ним утром

✱

Когда с неба вопросительно промычит сирена,
нужно будет отвечать за слова,
многочисленные слова.
Отвечать не словами.

Когда медленно
спустится
на развёрнутом звёздном куполе
блистательный парашютист,

устыдимся своих розоватых складок,
но всё равно
не издадим ни звука.

И даже тогда,
когда будут привязывать к нам –
к этой, к этой, и к той, и к тому –
воздушные шарики,
увлекающие в безвоздушную тьму
наших любимых,
не поднимем глаза:
бойкот.

Пусть берут, что хотят.
Пусть кидают нам сверху бомбу
сердобольного солнца с гвоздём внутри.
Пусть старается этот экзюпери,
мы не слышим пронзительный гул самолёта.
Нас не связывает высота.
Этот, этот, и тот, и та –
мы неслышимнеслышимнеслышим,
винта
вашего мы не слышим!

И в каждой зажатой ладонями голове
темнота
со светлой пробоиной посередине.
В сиянье затягивает, как в винт.
И мы рассыпаемся
на мелкий блестящий стеклярус,
падаем
к Его ногам
на алмазный пол,
подпрыгиваем со звоном.

Сочельник

Ну что тебе ещё написать...
Бог есть,
раз есть дьявол,
умеющий растравить –
до психоза – простую спичку,
показывающий кино в засыпальной тьме,
подпиливший и ножку стула, небось, нарочно...
Устроивший в вино-водочном на углу
распродажу и даже – под Рождество! – ангину.

Потому что все ангелы ждут, а дьявол здесь.

Ну, не совсем настоящий
(настоящий, говорят, красивый),
а такой, обычный:
ворчащий, глупый.
Тетешка, пушной зверёк.
Мелкая сошка.
Даже немножко жалко.

Накорми его своей кровью,
своей горячкой,
гречкой,
лучшими годами,
густотой волосяного покрова,
главой из диссертации,
пустотой наполовину тёплой постели,
нерождённой дочкой –
«Сонечкой,
со скрипочкой» –
а он всё пилит, пилит чужую мебель
и подбрасывает в костёр.

Вдалеке переливаются огоньки.
Улыбаются бумажные иконки.
Я стою на срыве своей Диканьки,

весь в пуху сухостоя, собачках, сухом репье –
сейчас загорюсь.

Мой зверёк мне терзает валенок, простофиля.

– Да есть, – говорю. –

Есть, конечно.

Только вот смотрит другие фильмы.

Автограф

Дорогая мама!

Герой моей первой книжки

пьёт и курит.

И часто болеет.

И изменяет женщинам, как твой первый
благоверный

«козёл азаренков».

Герой этой книги много пьёт

вина, красного и сухого;

пива, живого и тёмного.

И не герой, конечно, а так – субъект,
в меру упитанный, порой лирический,
особенно когда выпьет.

Ладно, мама,

знаю,

что дед Колька умер от этого,

что Витька умрёт от этого,

что все мы стоим в этом, как в огне, в говне, в гиене...

Знаю. Ну а что с этим делать? От осинки
не родятся апельсины.

Кстати,

Егорьевская церковь на Фурманова

теперь общежитие:

бельё на фоне общипанной панорамы...

Старушка выводит из ветхого закутка

трёх-четырёх коз
и кособокого Боньку
пасть на церковной лужайке.
А когда тот залезает на чей-нибудь огород,
раздаётся окрест: *«Бонька! Ты ты соусем оборзел?
А ну дывай тик! Ай оттудава, кому скызала!
Получишь тут! У-у-у, козлище поганый, чёрт ты
лысый! Фашист проклятый, вредитель,
конченный...»*

Вместо молитвы

пусть мне проломают голову
эти подростки возле
торгового центра если
я наконец откликнусь

или сосед по клетке
с кашлем туберкулёзным
на ночь не запираю

сама приходи с железкой

пожалуйста ну пожалуйста

и никакой тревоги
праведная обида
маленькая свобода

жаль что никто не дарит
этого удовольствия